А. Н. Мещеряков

СТРАНА ЯПОНИЯ: ЛЮДИ И ТЕКСТЫ

Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2018

УДК 895.6-8
ББК Ш5(5Я)4-304

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках реализации Федеральной целевой программы «Культура России (2012—2018 годы)»

А. Н. Мещеряков. **Страна Япония: люди и тексты.** — СПб.: Изд-во «Петербургское Востоковедение», 2018. — 464 с. (Серия «Orientalia»).

М 56

Настоящее издание состоит из двух частей.

Первая часть включает монографию «Древняя Япония: культура и текст». В этом исследовании известный ученый-японовед и литератор А. Н. Мещеряков сделал попытку представить основные виды письменных форм творчества в древней Японии (история, поэзия, проза, религиозные сочинения) как составляющие единого информационного текстового потока. Это первая попытка такого рода, предпринятая в отечественном японоведении.

Хронологические рамки работы охватывают период с VIII по XIII в., т. е. с нижней границы появления японской словесности, оформленной созданием мифолого-летописных и законодательных сводов, и до упадка аристократии, сопровождавшегося перемещением центра власти из императорского дворца в ставку сёгуна.

Вторая часть состоит из художественных переводов старояпонской прозы, выполненных А. Н. Мещеряковым. Сюда вошли такие известные памятники, как «Японские легенды о чудесах» (избранные буддийские легенды из «Нихон рёики», «Одзё гокуракки» и «Хокэ кэнки»), «Дневник» знаменитой писательницы Мурасаки Сикибу (XI в.) и «Записки на досуге» буддийского монаха Ёсида Канэёси (XIV в.).

Издание уникальным образом совмещает публикацию выдающихся памятников старояпонской прозы с попыткой их изучения и осмысления и будет полезно всем, интересующимся традиционной японской культурой.

ISBN 978-5-85803-516-9 (Петербургское Востоковедение)
ISBN 978-5-91922-069-5 (Лингвистика)

Права на продажу книги в России и за рубежом принадлежат ООО «Лингвистика»
e-mail: *amin@libfl.ru тел.*: *+7 (905) 717-05-20*

ISBN 978-5-85803-516-9
9 785858 035169

© А. Н. Мещеряков, 2018
© Фотографии, М. В. Торопыгина, 2018
© Петербургское Востоковедение, 2018

Содержание

Предисловие к этому изданию 10

***ЧАСТЬ ПЕРВАЯ*: НАУЧНАЯ** 11

ДРЕВНЯЯ ЯПОНИЯ: КУЛЬТУРА И ТЕКСТ 13

Предисловие 13
- История. Начало 23
- Поэзия 48
- Художественная проза 101
  - Ута-моногатари (повесть о стихах) 104
  - Моногатари (повесть) 115
  - Дневник 125
- Религия. 139
- История. Продолжение 159

Заключение 185

Литература 190

***ЧАСТЬ ВТОРАЯ*: ПЕРЕВОДЫ** 201

ЯПОНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ О ЧУДЕСАХ 203

Подвижники и кудесники. 203
- Слово о ревностном изучении Закона Будды, проповеди Учения на благо всеобщее и о чуде, явленном на смертном одре 203
- Слово о чтении заклинаний «Будды Фазана», обретении в этой жизни сил чудотворных горного отшельника и о вознесении на небо 204
- Слово о монахе, что совершал благодеяния, вырезая статуи будд, и о чуде, случившемся с ним в конце дней его. 205
- О царевиче Сётоку. 207
- О бодхисаттве Гёги 211
- О монахе с горы Ёсино 213
- О монахе Сюнтё 214
- Об отшельнике Ёсё из обители Ходо, что у Западной пагоды на горе Хиэй 216
- О святом Сэйку с горы Сёся, что в земле Харима. 217
- О святом Куватори из земли Этиго 219
- О монахе Коку 220
- О монахе Сайэне 221
- О святом Дзога с горы Тоно 221
- О настоятеле храма Тэнъодзи монахе по имени Домэй 224

О монахе Синсэй 225
Об обожателе «Сутры лотоса» монахе Рэнсё 227
О монахе Мёсё 228
След прошлого 229
Слово о запоминании «Сутры лотоса» и о воздаянии в этой жизни 229
Слово о богатырше и ее подвигах 230
Слово о высокодобродетельном Гёги, распознавшем в женщине с ребенком ненависть прошлого и заставившем ее бросить дитя в реку 231
Слово о жене, съеденной злым духом 232
Слово об убийстве, ненависти, перерождении лисой и собакой и о взаимном мщении 233
Слово о вырывании ростка бамбука из глазницы черепа и о чуде, сотворенном молитвой 233
О чернокожем монахе Ансё 235
О монахе Какунэн 235
Исполненные молитвы 236
Слово о немедленном воздаянии за веру в бодхисаттву Каннон 236
Слово о бедствиях войны, о почитании статуи бодхисаттвы Каннон и о воздаянии в этой жизни 237
Слово о ревностном почитании Каннон, молитвах о богатстве и о даровании счастья в этой жизни 238
Слово о воздаянии в этой жизни за веру в Три Сокровища, почитание монахов и чтение сутр 238
Слово о ревностном переписывании «Сутры лотоса» и о чуде дивном 239
Слово о страсти любовной к статуе богини Китидзё и о ее удивительном ответе 240
Слово о бедной царевне, почитавшей статую богини Китидзё и заслужившей награду в этой жизни 240
Слово о дурном сне и чутком сердце, о чтении сутр и чудесном спасении 241
Слово о глиняной статуе божества, излучавшей от ног сияние, и о чудесном воздаянии в этой жизни 242
Слово о том, как сирота почитала бронзовую статую Каннон, и об удивительном воздаянии в этой жизни 242
Слово о нищенке, разбогатевшей благодаря почитанию тысячерукой Каннон 244
Слово о монахе, награжденном в этой жизни за веру в одиннадцатиликую Каннон 245
Слово о монахе, в море не утопшем благодаря чтению сутр Великой Колесницы 245
Слово о том, как бодхисаттва Мироку молитву услышал и чудо сотворил 247
Слово о том, как прозрела женщина, поклонявшаяся деревянной статуе будды Якуси 247
Слово об обещании переписать «Сутру лотоса» и о спасении из завала, куда не проникал солнечный свет 248
О монахе Дзинъю из земли Этиго 249
О ловце из земли Муцу 250

Неотвратимое возмездие 252
Слово о том, как отец присвоил зерно сына и переродился быком, и о чуде, случившемся с ним 252
Слово о том, как монах присвоил дрова, предназначенные для кипячения воды, и переродился быком 253
Слово о наказании в этой жизни злодея за взваливание на лошадей непомерных тяжестей 253
Слово о злодее, который пренебрегал сыновним долгом и навлек на себя наказание в этой жизни 254
Слово о наказании в этой жизни мучительной смертью за высокое мнение о собственной добродетели и за удар недостойного видом монаха 255
Слово о наказании мучительной смертью в этой жизни злого сына, который из любви к жене задумал убить свою мать 256
Слово о наказании юноши в этой жизни мучительной смертью за то, что он варил и поедал птичьи яйца 257
Слово о наказании дурной болезнью и смертью за избиение монаха 258
Слово о злодее, наказанном в этой жизни мучительной смертью от меча 258
Слово о том, как бодхисаттва Мёкэн обернулся оленем и указал на вора 259
Слово о наказании незамедлительной смертью за избиение праведника, читавшего заклинания тысячерукой Каннон 259
Слово о женщине, наказанной в этой жизни за похоть и за то, что она лишала детей материнской груди 260
Слово о похотливом переписчике «Сутры лотоса», наказанном внезапной и мучительной смертью 261
Слово о перерождении обезьяной в наказание за ущемление монахов 262
Слово о наказании глупца мучительной смертью за то, что он изрубил игрушечную статую Будды, вырезанную деревенским мальчиком 263
Слово о наказании мучительной смертью за издевательства над нищим монахом, просившим подаяние 264
Слово о наказании за постройку малой пагоды и за срывание с храма знамен Учения 265
О монахе Кодзон 266
Чудесные статуи и сутры 267
Слово о чуде с монахом, «Сутру мудрости и нирваны» усердно читавшим 267
Слово о чуде чудном, случившемся с монахиней, что изобразила шесть миров в благодарность за четыре вида благодеяний 267
Слово о том, как превратилась в цаплю статуя Каннон 268
Слово о воре, похитившем статую Будды, и о том, как чудесным образом он был пойман 269
Слово о брошенном бревне, из которого вырезали священные статуи 270
Слово о чуде с деревянной статуей Каннон 271
Слово о чуде дивном, явленном деревянной статуей Каннон, что не сгорела в огне 271

Слово о чуде, явленном деревянной статуей будды Якуси, что была погребена под песком 271
Слово о рыбах, которыми хотел полакомиться монах и которые обернулись «Сутрой лотоса», дабы защитить его от мирян. 272
О монахе Ундзё, заночевавшем в пещере, что в земле Сима 273
О монахе Додзё из обители Сонсё храма Хосэй 274
О монахах Хогоне и Рэндзо из земли Идзумо 275
О поклоннике «Сутры лотоса» монахе Римане 276
Златоблеск и Мудроцвет 277
Как обожатель «Сутры лотоса» от злого духа спасся 278
О монахе Эйдзицу из храма Симмэйдзи 279
О монахе из храма Морского Дракона 280
О ваятеле по имени Кансэй 281
О чиновнике из земли Хиго 282
Об обезьяне из храма Оцудзи, что в земле Этиго 283
О распутнице из округи Муроно земли Кии 285
Праведный суд 287
Слово о каре, настигшей безжалостного и неправедного ростовщика 287
Слово о почитании китайского бога и принесении ему в жертву быков, о милостивом освобождении животных и о воздаянии в этой жизни 289
Слово о человеке ученом, который оскорблял скрытого под обличьем монаха святого, попал в этой жизни во дворец царя Эммы и был наказан в преисподней 290
Слово о жене, почитавшей «Сутру мудрости и нирваны», и о том, как она посетила в этой жизни дворец царя Эммы 293
Слово о праведном суде царя Эммы 294
Слово о воздаянии в этой жизни за использование неверных весов и за переписывание «Сутры лотоса» 295
Слово о наказании мучительной смертью за безжалостное взимание долгов с великой для себя выгодой 296
Слово о возмездии за пренебрежение кармой и за совершение злых дел. 298
О настоятеле храма Тэйходзи 298
О монахе Рэнсю 299
Край Вечной Радости. 300
О патриархе Дзомэе 300
О монахе Муку 301
О монахе Дзёи 302
О монахах Тико и Райко 302
О монахе из Восточной пагоды 303
О монахе Куя 304
О монахе Сёнё 305
О монахе, что жил у водопада Миноо 305
О женщине из земли Кага 306
О монахе Соо из храма Мудодзи, что на горе Хиэй 306
Об обожателе «Сутры лотоса» из земли Харима 307
О наместнике Ёсэе. 308
О монахе Дзёдзоне. 309
О помощнике начальника стражи левой части государева дворца по имени Минамото Масамити 310

Мир полон чудес 312
Слово о том, как поймали Гром 312
Слово о лисице и ее сыне 313
Слово о мальчике силы необычайной, рожденном с помощью грома 314
Слово о том, как дочь, унесенная орлом, встретилась со своим отцом в далекой стороне 316
Слово о том, как Яматомаро увидел прелюбодеяние вороны, отринул соблазны мира и стал монахом 317
Слово о воздаянии в этой жизни за освобождение краба и лягушки 318
Слово о посланце Эммы, отблагодарившем женщину за совершенные ему приношения 319
Слово о родившейся из мясного шарика девочке, которая творила добро и наставляла людей 319
Слово о женщине, родившей камни и поклонявшейся им 321
О скелете, читавшем «Сутру лотоса» на горе Сисигасэ, что в земле Кии 321

Мурасаки Сикибу. ДНЕВНИК 323

Ёсида Канэёси. ЗАПИСКИ НА ДОСУГЕ 374

Предисловие к этому изданию

В этом томе собраны работы разных лет, посвященные людям и текстам страны Японии.

Монография «Древняя Япония: культура и текст» рассказывает о том, как зародилась и развивалась японская письменная традиция. Изучение ее дает нам возможность понять, как японцы относились к миру, своей стране и самим себе.

Другие работы представляют переводы нескольких важнейших памятников. Это буддийские легенды и предания («Японские легенды о чудесах»), дневник придворной дамы Мурасаки Сикибу (автора «Повести о Гэндзи» — самого знаменитого произведения японской литературы) и «Записки на досуге» Ёсида Канэёси — блестящий образец очень «японского» жанра *дзуйхицу* (‘вслед за кистью‘). Все три текста входят в золотой фонд японской словесности.

Представленные исследования и переводы — не только факт науки, но и история жизни. В каждой из работ присутствует часть моей души. Не только души, но и любви — к Японии и ее обитателям, к отечественной словесности. Надеюсь, что эта любовь передастся и другим людям.

Японские авторы любят в предисловии рассказать, как и при каких обстоятельствах они сочиняли свои тексты, что всегда познавательно, интересно и человечно. Что до меня, то я уже рассказал о вненаучных обстоятельствах своей работы: любознательный читатель может обратиться к моей автобиографической книге «Остается добавить…» (СПб.: Гиперион, 2017).

«Страна Япония: люди и тексты» — первая книга моих сочинений и переводов в авторской серии, задуманной издательством «Петербургское Востоковедение», за что я ему искренне благодарен. Это подведение промежуточных итогов бытия в профессии, которое длится уже полвека — если отсчитывать от года поступления в университет.

Следующие тома будут соответствовать принципу организации текста, заданному первой книгой: размышления ученого будут иллюстрироваться и дополняться переводами.

Собранные в настоящем томе исследования и переводы издавались в разное время и в разных издательствах, многие из них являются в настоящее время малодоступными. Аккумулирование их в одной серии значительно упростит читателю поиск необходимой информации.

Александр Мещеряков
12 августа 2018 года

Часть первая

Научная

ДРЕВНЯЯ ЯПОНИЯ: КУЛЬТУРА И ТЕКСТ

> История природы есть каталог предметов, которые были и будут. История человечества есть каталог предметов, которые были и никогда не возвратятся.
>
> Первую надобно знать, чтобы составить общую науку предвидения, вторую — для того, чтобы не принять умершее за живое.
>
> *В. Ф. Одоевский*

Предисловие

Костяк, на который нарастает плоть конкретной культуры, на удивление неизменен. Раз зародившись, архетип самовоспроизводится в каждой данной точке пространства вне зависимости от времени. Так, из куриного яйца может проклюнуться только цыпленок, но отнюдь не рептилия. Курица же снова откладывает яйцо. А что было с курицей до яйца (и было ли вообще) — то неведомо. Ибо при выяснении фактов прошлого человек имеет дело со свидетельствами. Но свидетели не позаботились о нас.

Спору нет: мускулатура культуры пластична и имеет способность заставлять скелет принимать разнообразнейшие положения. Суть от этого, однако, не меняется — мы продолжаем иметь дело с тем же самым организмом. Вопрос в том, что считать сутью. Право судить об этом можно заработать, лишь прожив изучаемую культуру от ее начала (вернее, того, что мы по близорукости почитаем таковым) до ее условного конца (т. е. до сегодняшнего дня, который концом никак посчитать нельзя). Только тогда стираются случайные черты, а живое имеет шанс выжить в наших понятиях. Но даже на такой ничтожный — в исторической перспективе — промежуток обычно не хватает человеческой жизни. Поэтому исследователям не остается ничего другого, как поделить сферы влияния и уподобиться тем слепцам, которые ощупывали слона и делились своими впечатлениями.

Свидетельства, с которыми мы имеем дело в этой книге, относятся к письменным текстам (именно в таком узком значении мы употребляем, как правило, термин «текст») раннеяпонской культуры. Нужно сказать, что картина, открывающаяся исследователю древних и средневековых текстов, дос-

таточно удручающа, поскольку большинство из них безвозвратно утеряны. Если же учесть, что развитие ранней словесности вообще не плавно, а принципиально скачкообразно, поскольку контакт с бумагой был актом скорее исключительным, нежели обыденным, и изменения литературного сознания (в самом широком понимании — как словесность в целом) копились, не получая материального закрепления, то даже первоначальная, не травленная временем картина отображала бы не процесс, а лишь его результаты. Наша же задача заключается в том, чтобы по результатам (т. е. разрозненным свидетельствам) восстановить процесс.

Итак, перед нами лежит лист, на который нанесены многочисленные точки. Задача исследователя состоит в том, чтобы с помощью своего воображения и интеллекта эти точки соединить.

Иногда кажется, что к реставрации мы приступаем с негодными средствами. Свои эмоции и заключения мы пытаемся облечь в научное слово, в то время как слово поэтическое или же зрительный образ оказываются более плодотворны, ибо «мы отличаем вкус яблока от вкуса земляники, хотя вряд ли мы могли бы описать это различие» [Хёйзинга, 1988: 307]. Но каждый работает лишь тем инструментом, которым владеет.

Для воссоздания утерянного мира нужен цвет, нужна музыка. Ограничиваясь словом, мы ограничиваем себя. Слабым утешением служит лишь то, что мы сознаем свою ограниченность. Потребность в специализации знания привела к тому, что вслед за естественно-научными дисциплинами наука гуманитарная распалась на множество частных отраслей и утратила не только возможность целостного взгляда на предмет, но зачастую даже и потребность в таком взгляде. Гуманитарная наука превратилась в гуманитарные науки. В результате человек, который призван быть конечной целью исследования, перестал существовать, уступив место функциям человеческой деятельности: религиозной, социальной, языковой, трудовой и т. п. Эти функции подразделяются, в свою очередь, на подфункции и т. д. Исследование замыкается в самом себе, а исследователь теряет стратегические цели труда.

Было бы, разумеется, наивным оспаривать, что без определения атомарной структуры вещества возможно углубление познания о нем. Речь идет о другом — об иерархии исследовательских целей. Нереально надеяться и на то, что стоит лишь раздаться призыву к синтетическому освоению гуманитарной действительности, как будут созданы условия для осуществления такого синтеза. Отказ от целостного восприятия человека знаменует собой лишь одну из граней глубокого экзистенциального кризиса, который переживает в настоящее время человечество и который не может быть разрешен лишь усилиями экспертов.

Тем не менее, определяя объект, способ и цель исследования, ученый совершает мировоззренческий и моральный выбор. Осуществляя этот выбор, мы должны сознавать, что ответственность за создавшееся положение (а значит, и за его преодоление) лежит и на гуманитарной науке.

Гуманитарная наука является дисциплиной, имеющей объектом своего рассмотрения преимущественно прошлое, реже — настоящее, которое неотвратимо становится прошлым. Всякого рода предсказания относительно гуманитарного будущего имеют характер пророчеств, откровений, а не однозначно обоснованных выводов. Будучи образован не поддающимся учету количеством биологических и социальных отношений, человек всегда остается

«вещью в себе» для самого себя, ибо совмещает в себе субъект и объект познания и не способен к их окончательному разделению.

Потребность познания прошлого проистекает из потребности переживания прошлого. Непознанное страшит и требует связного ответа. Человек перестает быть человеком, когда лишается памяти. Сообщество людей также не может существовать без коллективной памяти, отказ от нее (сознательный или бессознательный), приводит его к деградации и физическому самоуничтожению. Думается, что трагическая история нашей страны в XX в. служит тому наилучшим подтверждением.

Сегодня забота о сохранении коллективной памяти возложена на специалистов в большей мере, чем когда-либо. С одной стороны, это ведет к значительному уточнению знания о прошлом, а с другой — ставит общество в слабоконтролируемую зависимость от экспертов, как это всегда случается при существовании монополии на знание — независимо от причин, по которым эта монополия образована. И точность знания в данном случае не компенсирует отрицательных последствий специализации, ибо смысл культурной памяти состоит не только в ее точности, но и в степени ее разделенности (не в последнюю очередь — эмоциональной) всеми членами сообщества.

Таким образом, работа историка имеет своим предназначением перевод личного профессионального опыта в общее пользование. Только тогда его работа имеет нравственное оправдание.

Значение истории состоит не только (а может быть и не столько) в том, что ее уроки должны быть затвержены потомками. Еще большее значение имеет нравственная сторона. История — средство самоидентификации человечества. Рационалистическое познание — одно из возможных средств обеспечения культурной преемственности. Человек, вовлеченный в процесс исторического познания, не может (ему не дано) изжить ощущение универсальной сопричастности. История превращается, таким образом, в точку отсчета, своего рода нравственный ноль. Без точки отсчета, т. е. без построения некоторой иерархии, время уничтожается; уничтожается и человек, который обладает бытием только во времени, при условии осуществления диалога не только с себе подобными (современниками), но и с человечеством — овеществленным в текстах временем предков. Эта потребность невыводима из целиком прагматических оснований. И поэтому не случайно падение статуса исторического познания в современном обществе, пытающемся строить себя на сугубо прагматических принципах и находящемся потому в состоянии постоянной дезориентации по отношению к нравственным ценностям.

Сознательная деятельность человека по порождению нового текста, его сохранению и передаче является, на наш взгляд, одним из основных отличий его от всех других известных нам форм жизни. Поэтому с точки зрения целей нашего исследования мы определяем человека как «текстовое животное». Способность к порождению текста, а также возможности и потребности в его трансляции, фиксации и хранении исторически обусловлены. Количество порождаемых текстов возрастает лавинообразно по мере приближения ко дню настоящему, и внетекстовое существование человечества представляется невозможным. Эти тексты являют собой овеществленную коллективную память человечества. Лишь с их помощью человечество способно к самоидентификации.

Расчленяя столь длительное время целостный образ человека, мы не можем рассчитывать на его мгновенное восстановление — это противоречило

бы самой природе дискурсивного мышления. Синтетическое освоение гуманитарной реальности должно проводиться последовательно на всех уровнях освоения культуры. Одним из таких уровней является текстовая деятельность.

Текстовые способности развиваются и изменяются. Сами тексты развивают и изменяют человека. Триада человек — текст — человек (создатель текста — текст — аудитория) и опосредующие ее отношения представляют собой единство, расторжимое лишь в процессе исследования, но не в реальной культуре. Реальная же ситуация в исследованиях по текстологии такова. Существуют два основных наиболее значимых ныне подхода к тексту: семиотический (изучающий собственно текст, его структуру с помощью семиотических методов) и коммуникативный (исследующий условия и методы порождения текста как коммуникативной системы) [Лотман, 1985].

Однако даже соединение указанных подходов (что встречается на практике достаточно редко) не способно создать адекватно функционирующую модель, ибо в таком случае из объекта рассмотрения исключается аудитория. Всякий анализ текста как такового является ущербным, т. е. текст в его реальном бытовании никогда не равен самому себе в силу различного понимания его как в синхронном толковании отдельными индивидами, так и в процессе исторического восприятия. Текст может быть равен самому себе только как материальная вещь, лишенная слушателя или читателя. В отечественной науке данная точка зрения была впервые высказана, пожалуй, Н. А. Рубакиным (некоторые его идеи в области теории текста еще не оценены вполне ни самой наукой, ни ее историей), который объект «библиопсихологии» (этот термин соответствует современному понятию «наука о тексте») определял следующим образом: «1. Процессы создавания ценностей печатного, рукописного и устного слова. 2. Процессы их циркуляции... 3. Процессы их утилизации» [Рубакин, 1929: 29].

Такой подход рассчитан на построение модели, которая, будучи распространена на всю совокупность текстов, может быть определена как сверхтекстовое единство культуры или как экология текста. При всей своей теоретической ясности и неоспоримости такой подход связан со значительными практическими трудностями в осуществлении ввиду ограниченного объема исходных данных относительно порождения, функционирования и восприятия текста в древности и средневековье. Тем не менее всегда следует помнить о включенности каждого конкретного текста не только в текстовое единство, но и в систему культуры вообще.

Основная задача нашей книги — рассмотрение текста в свете культуры, т. е. показ: 1) того, как культура порождает текст, который является ее производной, — точно так же, как определенный тип культуры генерирует только определенные типы исторических событий; 2) как готовые тексты участвуют в самовозрастании культуры. Культура при этом познается через текст, а текст — через культуру.

Проблема включенности текста в текстовое единство не так тривиальна, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что в настоящее время «нормальным» является рассмотрение конкретного текста в рамках определенного изолированного жанра — поэтического, исторического, прозаического и т. д., как если бы жанры были самодостаточными образованиями, не подверженными перекрестному скрещиванию, с неизбежностью происходящему в ходе информационной деятельности человека. На самом деле каждый жанр обеспечивает лишь какую-то из информационных (интеллектуальных, эмо-

циональных) сторон жизнедеятельности человека и общества. Изолированное рассмотрение жанра, вне связи с потоком словесности в целом есть, по существу, отказ от попытки восприятия человека как единства, образованного разнонаправленными текстами, — единства, всегда находящегося в становлении.

В связи с этим сама проблема жанра нуждалась в серьезном рассмотрении. Особенно потому, что границы между жанрами в древности и средневековье проходили не совсем там, где их проводят в новейшее время. Это, в свою очередь, повлекло за собой необходимость уточнения объекта описания каждой группы текстов и характера описания (текстовое пространстве и время, тип изображаемого человека и др.). Разные жанры словесности оформляются в разное время и развиваются отнюдь не линейно — только в сторону обособления и дифференциации. Порожденные человеком, они сходятся в человеке же — отсюда их постоянное контаминирование, пересечение, взаимообогащение и даже временное исчезновение.

В различных социальных группах эти процессы происходили по-разному, что потребовало от нас дополнительных уточнений в части определения связи текста с порождающим и воспринимающим его социумом. Поскольку же мы рассматривали текст как порождение определенной культурной ситуации, то вопросы авторской атрибуции конкретных произведений, которым японскими (а вслед за ними и западными) филологами и историками традиционно уделяется чрезвычайно большое внимание, не имели для нас существенного значения.

К проблеме авторства мы подходили с более общих позиций — как к соотношению между коллективными и индивидуальными ценностями — соотношению, в котором индивидуальное всегда играет подчиненную роль. Это соотношение, претерпевающее постоянные изменения не только во времени, но и в зависимости от жанра словесности (вида текстовой деятельности), значимо не только как отображающее определенные культурные установки, но и как обладающее пролонгированным эффектом, т. е. формирующее эти установки в исторической перспективе. Таким образом, письменный текст является мощным фактором социализации и значимость его (при условии сохранения преемственности в передаче информации) возрастает по мере накопления культурой текстов.

Своеобразие культурной ситуации в Японии VII—VIII вв. состоит в том, что оформление государственности и соответствующего ей типа культуры (и, следовательно, типа личности) происходило во многом в соответствии с критериями, предъявляемыми им китайской цивилизацией. Заимствование в готовом виде ряда литературных форм не только ускорило развитие местной словесности, но и лишило ее на некоторое время самостоятельности.

В связи с этим переход от мифопоэтического сознания к историческому происходил чрезвычайно быстро, не задерживаясь на промежуточных этапах, что создает дополнительные трудности при восстановлении общей картины, ибо стадиально различные явления культуры могут не менять друг друга последовательно, а существовать параллельно. Это связано с тем, что помимо китаизированной культуры, отображенной в материальной культуре и памятниках словесности, имевших своим основным порождающим центром столицу, существовало и мощное «подводное» течение местной культуры, находившейся длительное время на периферии письменной культуры. И изменения, происходившие в словесности, нельзя объяснить исходя исключительно из нее самой, без учета эффекта невидимого присутствия устного творчества.

Так по изгибу траектории определяется наличие не обнаруженного пока источника гравитации.

Сосуществование письменной китайской и устной японской словесной культуры ведет не только к их взаимообогащению, синтезу в виде японоязычной письменной культуры. Со временем происходит и отбраковка тех заимствованных форм культуры и текстовой деятельности, которые входят в противоречие с местной традицией или же не получают в ней подкрепления. В свою очередь, далеко не все элементы местной культуры способны доказать свою плодотворность: часть из них вымываются под воздействием информационного потока, направленного с материка.

В связи с этим в процессе становления и развития словесности наше внимание постоянно занимала проблема соотношения китайского и японского языков как носителей различных культурных смыслов, способных к трансляции только через определенный канал и язык. Проблема эта тем более заслуживает рассмотрения, что Япония представляет собой не так уже часто встречающийся в мировой истории случай, когда активное соприкосновение культур не было отягощено насильственными актами.

Мы сделали попытку представить основные содержательные виды письменных форм творчества (история, поэзия, проза, религиозные сочинения) как составляющие единого информационного текстового потока. В японоведении такая попытка предпринимается впервые.

Хронологические рамки работы охватывают период с VIII по XIII в., т. е. с нижней границы появления японской словесности, оформленной созданием мифолого-летописных и законодательных сводов, и до упадка родоплеменной аристократии, сопровождавшегося сменой центра власти, переместившегося из императорского дворца в ставку сёгуна. С этого момента текстовая культура претерпевает серьезные сущностные изменения, для описания которых рамки данной работы представляются ограниченными.

Наполненность избранного нами временного отрезка анализируемыми текстами каждого из жанров неравномерна. Свою задачу мы видели в том, чтобы показать каждый вид словесности от его зарождения до проявления в достаточной степени основных закономерностей развития жанра. Таким образом, мы руководствовались не внешней хронологией, а внутренней пульсацией жанра.

Хотя данная книга отнюдь не претендует на то, чтобы считать ее историей японской словесности, и представляет лишь самые основные произведения, (особенно для сочинений, малознакомых отечественному читателю), чтобы не ограничивать аудиторию исследования исключительно специалистами по отдельным жанрам.

Свое изложение мы начали с исторических сочинений — мифолого-летописных сводов и хроник — как вида словесности, обслуживающего наиболее фундаментальные идеологические потребности государства. В период VIII—X вв. историческое творчество носит коллективный, деперсонализированный характер. Личностная оценка исторического процесса появляется намного позднее и связана с именем Дзиэн (1155—1225). Однако для того, чтобы такая оценка могла быть высказана, сознание должно было пройти длительный путь развития личности, созидаемой поэтическим и прозаическим творчеством, религиозным опытом буддизма. Историческое сочинение Дзиэн «Гукансё» представляет собой синтетическую форму, образованную слиянием различных интеллектуальных и художественных подходов, создающих таким

образом некую интеллектуально-жанровую вершину. До определенной степени она являет собой итог по крайней мере пятивекового роста японской культуры и словесности. Для того чтобы подвести к нему и показать его логичность, нам пришлось разделить исторический отдел книги на две части. В первой из них рассматривается коллективное историческое творчество, во второй — более индивидуалистичное, оплодотворенное художественным видением мира.

Важность поэтического раздела определяется тем, что поэзия являлась неотъемлемой частью быта и сознания придворных. Занятия ею почитались несравненно более важными, чем писание японоязычной прозы. Многие ценностные установки прозаических сочинений формировались под непосредственным влиянием поэтики поэзии (приятии ее или же подсознательном отторжении), и потому поэтический раздел предпослан рассмотрению прозы. Анализ поэзии мы доводим до X в., когда основные тенденции ее последующего развития оказались уже вполне выявленными. К этому времени формируется и авторское творчество, создается и воплощается концепция антологии, пишутся поэтические трактаты.

В прозаический раздел, основу которого составили сочинения X—XI вв. на японском языке, вошли произведения смешанного прозопоэтического жанра ута-моногатари, повесть (моногатари), лирический дневник. Проза придворного круга очень быстро достигла своего расцвета и канонизации, продемонстрировав чрезвычайно высокую для средневековья степень развития рефлексии и самоанализа, что неизбежно сказалось на всех видах словесности.

В раздел, посвященный религии, произведения религиозно-философской мысли (в данном случае это понятие эквивалентно буддийской традиции) вошли лишь в минимальной степени, ибо с принятой нами точки рассмотрения они представляют наименьший интерес ввиду высокой степени зависимости религиозно-философской мысли Японии этого времени от развитой буддийской традиции Китая, а основные вопросы, поднимаемые книгой применительно к этому виду словесности, имеют однозначное и неоспоримое решение. Поэтому основное внимание в данном разделе уделяется обсуждению буддийской повествовательной прозы, описание и определение инфраструктуры текстов которой связано с не вполне преодоленными сложностями.

Настоящая работа была бы невозможна без впечатляющих успехов, достигнутых мировой японистикой в последние десятилетия. Ссылки на конкретные работы читатель найдет в соответствующих разделах. Здесь же мы ограничимся замечаниями самого общего свойства, которые дадут возможность уяснить трудности принципиального характера, возникшие при написании данной работы.

Прогресс в мировой японистике достигнут по преимуществу усилиями японских ученых. Для нашего исследования были особенно полезны высокопрофессиональные комментированные издания текстов в сериях «Нихон котэн бунгаку тайкэй» и «Син нихон котэй бунгаку тайкэй» (издательство «Иванами»); «Нихон котэн бунгаку дзэнсю» (издательство «Сёгаккан»); «Нихон сисо тайкэй» (издательство «Иванами»), выведшие классическую филологию на новые рубежи. Эти издания в компактной форме представляют читателю последние достижения японских текстологов, и в нашей работе мы пользовались по преимуществу публикациями памятников в указанных сериях. В них представлены важнейшие произведения литературы, общественной мысли, религиозные сочинения. Однако научное осмысление этих классов текстов

еще далеко от своего завершения. И хотя надежда на встречу с текстами первостепенной эстетической и философско-религиозной значимости весьма слаба, концентрация усилий на произведениях второго ряда, еще не введенных по-настоящему в научный оборот, обещает немало открытий за счет уточнения «среднего» уровня интеллектуального сознания.

Что же касается произведений исторической мысли, то здесь ситуация намного хуже, и исследователь зачастую вынужден прибегать к стереотипным изданиям, впервые увидевшим свет еще в довоенное время (в основном «Кокуси тайкэй», издательство «Ёсикава кобункан»).

Примерно такая же ситуация с изданиями памятников сложилась и на Западе. Под «Западом» мы имеем в виду прежде всего США, куда в последнее время переместился из Европы центр японистических исследований за пределами Японии (см. в особенности журнал «Monumenta Nipponica», объединяющий вокруг себя основную группу авторов, пишущих на английском языке). И если корпус переводов поэзии, прозы, религиозно-философских сочинений все-таки пополняется и в оборот вводятся некоторые новые произведения, то сочинения исторического характера представлены намного менее полно, что создает неадекватное представление об интеллектуальной жизни японского средневековья. Такое положение особенно неприемлемо в отношении именно Японии, поскольку осознание исторической преемственности является едва ли не основной чертой общественного сознания этой страны.

Из понятия «Запад» нам в данном случае приходится исключить российскую японистику. И если она серьезно отстает от западной в части исследований нового и новейшего времени, то в области исследований древности и раннего средневековья (в особенности это касается истории) российские исследователи продемонстрировали за последние два десятилетия впечатляющий прогресс. Он заключается прежде всего в переводах памятников, часть которых были изданы за пределами Японии впервые.

Своеобразие конкретной культуры выявляется не только в ее содержательных особенностях, но и в тех механизмах, которые обеспечивают (или не обеспечивают) передачу информации в пространстве и времени. Поскольку тексты исторического содержания представляют собой материализацию этих механизмов применительно ко времени на текстовом уровне, то анализ исторических источников именно с данной точки зрения представляется неотъемлемым условием для понимания закономерностей функционирования культуры вообще.

Нам представляется, что уровень изученности основных текстов японского раннего средневековья позволяет перейти от конкретно-текстологических исследований (разумеется, отнюдь их не отменяя) к более общему осмыслению места и роли текста в системе культуры. Именно в этой сфере западные и российские исследователи могли бы внести определенный вклад в развитие мировой японистики, ибо текстология в классическом понимании при многовековой интенсивной разработке ее в самой Японии вряд ли оставляет место для сколько-нибудь существенного вклада представителям других культур, и в этом отношении они всегда будут находиться в зависимости от культурной метрополии, степень которой превышает разумные пределы. В то же самое время следует иметь в виду, что японская текстология пока что настолько зависима от собственной традиции изучения, что оказывается в целом не в состоянии принять и освоить подходы, предлагаемые западными теоретиками текста.

Вообще говоря, взгляд на человека и продукцию его культурной жизнедеятельности, являющийся одним из основных социостабилизирующих факторов, чрезвычайно устойчив в данной культуре. В противоположность этому освоение японцами западных достижений в области технологии и естественно-научных дисциплин происходило сравнительно быстро и легко, не затрагивая основ гуманитарной культуры.

В полной мере осознавая это, мы тем не менее должны отметить, что традиционный подход японской текстологии (который может быть условно определен как «интерпретация знака» вне его соотношения с текстом культуры в целом) обладает ограниченной объяснительной способностью. И несмотря на громадное количество исследований, их совокупный объяснительный эффект меньше того, который можно было бы ожидать.

Такое положение связано прежде всего с включенностью ученого в культурную и исследовательскую традиции, что объясняется непрерывностью историко-культурного развития Японии и порождаемым им типом личности. Анализ между тем делается малопродуктивным, если субъект исследования не отделен от его объекта. В этом случае результатом будет автопредставление культуры, а не представление о ней. До сих пор японская наука о тексте (мы говорим о тенденции) не может избавиться от эстетических оценок того или иного произведения (в особенности это касается литературоведения). Высказывания вроде «прекрасное стихотворение» или «данное произведение малозначительно с литературной точки зрения» являются общим местом. При этом подобные оценочные суждения зачастую не имеют никакого обоснования в восприятии текста его современниками. Более же поздние суждения, как показывает вся история японской и мировой культуры, носят весьма относительный характер и легко поддаются переосмыслению в зависимости от эстетического сознания той или иной эпохи. Работа литературоведа подменяется заботами критика современного литературного процесса, как если бы мы имели возможность оказать влияние на сознание людей, которые в действительности не могут нас слышать.

Вряд ли возможно полностью освободиться от чар культуры, которой занимаешься, но положение западных исследователей в этом отношении априорно благоприятнее (при условии, разумеется, что они отдают себе отчет в своей зависимости от ценностных установок собственной культуры).

При подведении итогов исследования в «Заключении» мы постарались не ограничиваться тезисным изложением того, что уже известно читателю из текста книги. Исходя из убеждения, что каждый народ заслуживает той литературы и словесности, которую он имеет, мы попытались показать, что текст, даже древний, является образованием, до определенной степени изоморфным национальной психологии современного этноса, и как таковой участвует в процессе социализации человека, а значит, и самореализации этноса.

Познание чужой культуры имеет смысл, далеко выходящий за пределы узкоакадемических задач. Изучая чужую культуру, мы изучаем и культуру свою. В этом, быть может, и состоит главный смысл подобных исследований для изучающей культуры. Познание чужой культуры с неизбежностью создает ситуацию межкультурного диалога, в котором выясняются сущностные характеристики не только изучаемой, но и изучающей культуры. Так обеспечивается понимание их различий и сходств. А поскольку при честном и трезвом сопоставлении сходств оказывается всегда больше, то сам процесс исследова-

ния приобретает общегуманистический смысл, обеспечивая встречный дрейф народов и их культур.

В заключение считаем долгом сказать, что своим исследованием мы хотели прежде всего привлечь внимание к некоторым новым для японистики проблемам и не надеялись на их окончательное разрешение. Выводы работы и ее методы будут, несомненно, уточняться и дополняться. Но, как заметил монах и мыслитель Кэнко-хоси, «когда что-либо не закончено и так оставлено, — это вызывает ощущение долговечности жизни... В буддийских и иных сочинениях, написанных древними мудрецами, тоже очень много недостающих глав и разделов» [Кэнко, 1988: 352].

Литература

Абэ, 1956: *Абэ Такэхико.* Кодзики-но сидзоку кэйфу (Генеалогия в «Кодзики») // Кодзики тайсэй. Т. 4. Токио, 1956.

Акамацу, 1957: *Акамацу Тосихидэ.* Гукансё ни цуйтэ (К вопросу о «Гукансё») // Камакура буккё-но кэнкю. Киото, 1957.

Бакус, 1985: The Riverside Counselor Stories. Vernacular Fiction of Late Heian Japan / Translated, with an Introduction and Notes by Robert L. Backus. Stanford California Press. Stanford; California, 1985.

Барг, 1987: *Барг М. А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.

Бендер 1979: *Bender R.* The Hachiman Cult and the Dokyo Incident // Monumenta Nipponica. XXXIX. 1979. № 2.

Блок, 1986: *Блок М.* Апология истории. М., 1986.

Богатырев, 1958: *Богатырев П. Г.* Некоторые задачи сравнительного изучения этноса славянских народов // IV Междунар. съезд славистов. Доклады. М., 1958.

Бок 1985: *Bock. Felicia G.* Classical Learning and Taoist Practices in Early Japan. With a Translation of Books XVI&XX of the Engi-shiki. Arizona State University, 1985.

Бонэн-но ки, 1981: *Оэ-но Масафуса.* Бонэн-но ки // Сер. «Нихон сисо тайкэй». Т. 8. Токио, 1981.

Борген, 1982: *Borgen Robert.* The Japanese Mission to China, 801—806 // Monumenta Nipponica. XXXVII. 1982. № 1.

Боронина, 1978: *Боронина И. А.* Поэтика классического японского стиха (VIII—XIII вв.). М., 1978.

Боронина, 1981: *Боронина И. А.* Классический японский роман. М., 1981.

Боронина, 1998: Утаавасэ. Поэтические турниры в средневековой Японии (IX—XIII вв.) / пер. И. А. Борониной // Сер. «Японская классическая библиотека». Вып. VI. СПб.: Гиперион, 1998.

Боуринг, 1985: Murasaki Shikibu. Her Diary and Poetic Memoirs / A Translation and Study by Richard Bowring. Princeton University Press (далее — UP.), 1985.

Брагинская, 1983: *Брагинская Н. В.* Эпитафия как письменный фольклор // Текст: семантика и структура. М., 1983.

Брауер и Майнер, 1962: *Brower R., Miner E.* Japanese Court Poetry. Stanford, 1962.

Браун и Исида, 1979: *Delmer R.* Brown and Ichiro Ishida. The Future and the Past. A Translation and Study of the Gukansho, an Interpretive History of Japan Written in 1219. Berkeley; Los Angeles; London, 1979.

Брюстер, 1977: Sanuke no Suke Nikki. A Translation of the Emperor Horikawa Diary. By Jennifer Brewster. The Australian National UP and University of Hawaii Press. 1977.

Бунка сюрэйсю, 1964: Бунка сюрэйсю. В серии «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 69. Токио, 1964.

Бункё хифурон, 1948: Бункё хифурон ко. Киото; Токио, 1948—1953.

Вака бунгаку, 1984: Вака бунгаку кодза (Лекции по литературе «вака»). Т. 3. Токио, 1984.

Верли 1979: *Varley H. Paul.* The Place of Gukansho in Japanese Intellectual History // Monumenta Nipponica. XXXIV. 1979. № 4.

Вершуер, 1985: *Charlotte von Verschuer*. Les Relations Officielles du Japon avec la Chine aux VIII et IX siecles. Hautes Etudes Orientales 21. Libraire Droz. Geneva; Paris, 1985.

Вещь, 2003: Вещь в японской культуре. М.: Вост. лит., 2003.

Виссер, 1935: *Visser M. W.* Ancient Buddhism in Japan. Leiden, 1935.

Гангодзи, 1975: Гангодзи гаран энги // Сер. «Нихон сисо тайкэй». Т. 20. Токио, 1975.

Гангодзи, 1993: Гангодзи гаран энги нараби-ни руки сидзайтё / пер. А. Н. Мещерякова // Буддизм в Японии. М.: Наука, 1993.

Гаттен, 1982: *Gatten Aileen.* Three Problems in the Text of «Ukifune» // Ukifune. Love in the Tale of Genji. Columbia UP. N.-Y., 1982.

Главева, 2003: *Главева Д. Г.* Традиционная японская культура: специфика мировосприятия. М., 2003.

Глускина, 1979: *Глускина А. Е.* Заметки о японской литературе и театре. М., 1979.

Горегляд, 1975: *Горегляд В. Н.* Дневники и эссе в японской литературе IX—XIII вв. М., 1975.

Горегляд, 1983: *Горегляд В. Н.* Ки-но Цураюки. М., 1983.

Горегляд, 1994: Митицуна-но хаха. Дневник эфемерной жизни / пер. В. Н. Горегляда // Сер. «Памятники культуры Востока». Вып. 2. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1994.

Горегляд, 1997: Японская литература VII—XVI вв. СПб., 1997.

Грачев, 2003: *Грачев М. В*. Образование в древней Японии //Япония. Путь кисти и меча. 2003. № 2.

Грачев, 2006: *Грачев М. В*. Миёси Киёюки. Икэн дзю:ни кадзё: (Рекомендации в двенадцати пунктах, 914 г.) // Политическая культура древней Японии. Orientalia et classica. Труды Ин-та восточных культур и античности. М.: РГГУ, 2006.

Грачев, 2009: *Грачев М. В*. Япония в эпоху Хэйан (794—1185). Хрестоматия. М.: РГГУ, 2009.

Гривнин, 1962: *Гривнин В. С.* Японская печатная книга VIII—первой половины XIX в.: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1962.

Гукансё, 1967: Гукансё // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 86. Токио, 1967.

Гуревич, 1972: *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.

Гуревич, 1975: *Гуревич А. Я.* Язык исторического источника и социальная действительность: средневековый билингвизм // Труды по знаковым системам. VII. Тарту, 1975.

Гуревич, 1981: *Гуревич А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.

Гусдорф, 1980: *Gusdorf Georges.* Conditions and Limits of Autobiography / J. Olney. Ed. Autobiography. Essays Theoretical and Critical. Princeton UP. 1980.

Гэндзи, 1972—1978: Гэндзи моногатари // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 14—18. Токио, 1972—1978.

Гэнсин, 1970: Гэнсин // Сер. «Нихон сисо тайкэй». Т. 6. Токио, 1970.

Дайрисики, 1975: *Charlier Michael.* Das Dairi-shiki: Eine Studie zu seiner Entstehung und Wirkung. Otto Harrassowitz. Wiesbaden, 1975.

Деопик, Симонова-Гудзенко, 1986: *Деопик Д. В., Симонова-Гудзенко Е. К.* Методики различения легендарно-мифологической и реально-исторической частей генеалогического древа (на материале японской хроники «Кодзики») // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. М., 1986.

Дзусэцу, 1979: Дзусэцу нихон-но котэн (Японская классическая литература в иллюстрациях). Т. 5. Токио, 1979.

Диалоги, 2002: Диалоги японских поэтов о временах года и любви / пер., предисл. и коммент. М.: Наталис, 2002.

Древние фудоки, 1969: Древние фудоки / пер., предисл. и коммент. К. А. Попова. М., 1969.

Дьяконова, 2001: *Дьяконова Е. М.* Старцы-рассказчики в «исторических повествованиях» эпох Хэйан и Камакура // История и культура Японии. М.: Крафт+, 2001.

Ермакова, 1988: *Ермакова Л. М.* Ритуальные и космологические значения в японской поэзии // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.

Ермакова, 1988а: *Ермакова Л. М.* Логос и мелос: японская вариация // Проблемы исторической поэтики литератур Востока. М., 1988.

Ермакова, 1991: Норито. Сэммё / пер., предисл. и коммент. Л. М. Ермаковой. М., 1991.

Ермакова, Мещеряков, 1988: *Ермакова Л. М., Мещеряков А. Н.* Растения и животные в японской поэзии // Природа. 1988. № 11.

Ёсида Канэёси, 2009: *Ёсида Канэёси.* Записки на досуге / пер. А. Н. Мещерякова. М.: Наталис, 2009.

Игнатович, 1987: *Игнатович А. Н.* Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М., 1987.

Игнатович, 1987а: *Игнатович А. Н.* Учения о теократическом государстве в японском буддизме // Буддизм и государство на Дальнем Востоке. М., 1987.

Игнатович, 2007: *Игнатович А. Н.* Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы. Сутра о постижении деяний и дхармы Бодхисаттвы всеобъемлющая мудрость: пер. с кит. М.: Ладомир, 2007.

Идзуми, 1962: Идзуми-сикибу никки // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 20. Токио, 1962.

Идзумо фудоки, 1966: Идзумо фудоки / пер., предисл. и коммент К. А. Попова. М., 1966.

Идзуцу, 1981: Izutsu Toshihiko and Toyo. The Theory of Beauty in the Classical Aesthetics of Japan. Boston; London, 1981.

Исэ, 1957: Исэ-моногатари // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 9. Токио, 1957.

Исэ, 1968: Tales of Ise. Lyrical Episodes from Tenth-Century Japan / Translated with an Introduction and Notes by Helen Craig McCullough. University of Tokyo Press, 1968.

Исэ, 1979: Исэ-моногатари / пер., ст. и примеч. Н. И. Конрада. М., 1979.

Ито 1982: *Setsuko Ito.* The Muse in Competition: Uta-awase Through the Ages. Monumenta Nipponica. 1982. XXXVII, № 2.

Кагэро 1957: Кагэро никки // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 20. Токио, 1957.

Кагэро, 1964: The Gossamer Years (Kagero Nikki) / Translated by E. Seidensticker. Tokyo, 1964.

Кайфусо, 1964: Кайфусо // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 69. Токио, 1964.

Какё хёсики, 1958: Какё хёсики // Сер. «Нихон кагаку тайкэй». Т. 1. Токио, 1958.

Камицумия, 1975: Камицумия-но сётоку-но нори-но окими-но тайсэцу // Сер. «Никон сисо тайкэй». Т. 20. Токио, 1975.

Камэи, 1974: *Камэи Сёитиро.* Нихондзин-но сэйсинси (Духовная история японцев). Т. 1. Токио, 1974.

Канкэ бунсо, 1965: Канкэ бунсо // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 72. Токио, 1965.

Като и Хосино, 1926: Kogoshui. Gleanings from Ancient Stories / By Genchi Kato and Hiroshiro Hoshino. Tokyo, 1926.

Като, 1979: *Kato Shinichi.* A History of Japanese Literature. The First Thousand Years. Kodansha International LTD. Tokyo; New York and San Francisko, 1979.

Кили, 1969: *Kiley Cornelius J.* A Note on the Surnames of Immigrant Officials in Nara Japan // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1969. Vol. 29.

Кисигами, 1962: *Кисигами Синдзи.* Сэй-сёнагон. Токио, 1962.

Кнабе, 1985: *Кнабе Г. С.* Историческое пространство и историческое время в культуре древнего Рима // Культура древнего Рима. Т. 2. М., 1985.

Кодай сэйдзи, 1979: Кодай сэйдзи, сякай сисо (Политическая и социальная мысль древности) // Сер. «Нихон сисо тайкэй». Т. 8. Токио, 1979.

Кодзики, 1982: Кодзики // Сер. «Нихон сисо тайкэй». Т. 1. Токио, 1982.

Кодзики, 1994: Кодзики. Записи о деяниях древности / пер. Е. М. Пинус, Е. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. СПб.: Шар, 1994.

Кодзима, 1962—1965: *Кодзима Нориюки.* Дзёдай нихон бунгаку то тюгоку бунгаку (Ранняя литература Японии и Китая). Токио, 1962—1965.

Кокинсю, 1971: Кокин вакасю // Сер. «Нихон котэн бунгаку дзэнсю». Т. 7. Токио, 1971.

Кокинсю, 1995: Кокинвакасю (Собрание старых и новых песен Японии): в 3 т. / пер. А. Долина. М.: Радуга. 1995.

Кокинсю, 2005: Поэтическая антология «Кокинсю» / пер., исслед. и коммент. И. А. Борониной. М.: ИМЛИ РАН, 2005.

Комацу, 1976: *Комацу Сигэми.* Тэгами-но рэкиси (История писем). Токио, 1978.

Комиссарова, 1987: *Комиссарова Т. Г.* «Монах не должен быть почтительным к императору». Из буддийской полемики в Китае в IV—V вв. // Буддизм и государство на Дальнем Востоке. М., 1987.

Кон, 1987: *Кон И. С.* Дружба. М., 1987.

Кониси, 1958: *Konishi Jin'ichi.* Association and Progression: Principles of Integration in Anthologies and Sequences of Japanese Court Poetry, A. D. 900—1350 // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1958. Vol. 21.

Кониси, 1978: *Konishi Jin'ichi.* The Genesis of the Kokinshu Style // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1978. Vol. 38, № 1.

Кониси, 1984: *Konishi Jin'ichi.* A History of Japanese Literature. Volume One: The Archaic and Ancient Ages. Princeton UP, 1984.

Конрад, 1927: *Конрад Н. И.* Японская литература в образцах и очерках. Л., 1927.

Конрад, 1973: *Конрад Н. И.* Очерки японской литературы. М., 1973.

Кроль, 1987: *Кроль Ю. Л.* Спор как явление культуры древнего Китая // Народы Азии и Африки. 1987. № 2.

Крэнстон, 1969: The Izumi Shikibu Diary. A Romance of the Heian Court / Translated with an Introduction by Edwin A. Cranston. Harvard UP. Cambridge; Massachusets, 1969.

Крэнстон, 1969а: *Cranston Edwin A.* Atemia: A Translation from the Utsubo Monogatari // Monumenta Nipponica. 1969. XXIV, № 3.

Кукай, 1969: *Кукай* // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 71. Токио, 1969.

Ку:кай, 2005: *Ку:кай*. Три учения указывают и направляют / пер., коммент. и исслед. Н. Н. Трубниковой. М.: Савин, 2005.

Кычанов, 1986: *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права (X—XIII вв.). М.: Наука (ГРВЛ), 1986.

Кэнко, 1957: Кэнко-хоси. Цурэ-дзурэгуса. Токио: Иванами, 1957.

Кэнко, 1981: Essays in Idleness. The Tsurezuregusa of Kenko / Translated by Donald Keene. Tokyo, 1981.

Кэнко, 1988: Кэнко-хоси. Записки от скуки / пер. В. Н. Горегляда // Классическая японская проза XI—XIV веков. М., 1988.

Ламмерс, 1982: *Lammers Wayne P.* The Succession (Kuniyuzuri: A Translation of Utsuho Monogatari) // Monumenta Nipponica. 1982. XXXVII, № 2.

Линдберг-Вада, 1983: *Lindberg-Wada, Gunilla.* Poetic Allusion. Some Aspects of the Role Played by Kokin Wakashuu as a Source of Poetic Allusion in Genji Monogatari. University of Stockholm, Institute of Oriental Languages Department of Japanese and Korean, Japanological Studies 4, 1968.

Литэраси, 1968: Literacy in Traditional Societies / Ed. by J. Goody. Cambridge, 1968.

Лихачев, 1970: *Лихачев Д. С.* Человек в литературе древней Руси. М., 1970.

Лихачев, 1978: *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. М., 1978.

Лотман, 1965: *Лотман Ю. М.* О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Труды по знаковым системам. Т. 2. Тарту, 1965.

Лотман, 1978: *Лотман Ю. М.* Устная речь в историко-культурной перспективе // Семантика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика. I. Тарту, 1978.

Лотман, 1985: *Лотман Ю. М.* Двойственная природа текста (связный текст как семиотическое и коммуникативное образование) // Текст и культура: общие и частные проблемы. М., 1985.

Лотман, 1986: *Лотман Ю. М.* Литературная биография в историко-культурном аспекте (к типологическому соотношению текста и личности автора) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. № 683. Литература и публицистика. Проблемы взаимодействия. Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1986.

Мазурик, 1987: *Мазурик В. П.* Пространственно-композиционные приемы в японской средневековой поэзии как функция художественной целостности // Язык и культура. Новое в японской филологии. М., 1987.

Майнер, 1969: Japanese Poetic Diaries / Selected and Translated, with an Introduction by Earl Miner. Berkeley and Los Angeles, 1969.

Майнер, 1978: *Miner Earl.* Japanese Linked Verse. An Account with Translation of Renga and Haikai Sequences. Princeton UP, 1978.

Маккала, 1980: A Tale of Flowring Fortunes. Annals of Japanese Aristocratic Life in the Heian Period / Translated with an Introduction and Notes by William H. and Helen Craig McCullough. Stanford UP, 1980.

Маккала, 1985: *McCullough Helen Craig.* Brocade by Night. «Kokin Wakashu» and the Court Style in Japanese Classical Poetry. Stanford UP, 1985.

Мандельштам, 1987: *Мандельштам О. Э.* Слово и культура. М., 1987.

Манъёсю, 1957: Манъёсю // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 4—7. Токио, 1957.

Манъёсю, 1971: Манъёсю / пер., вступ. ст. и коммент. А. Е. Глускиной. М., 1971.

Марра, 1984: *Marra Michele.* Mumyozoshi: Introduction and Translation // Monumenta Nipponica. 1984. XXXIX, № 2—4.

Мейлах, 1975: *Мейлах М. Б.* Язык трубадуров. М., 1975.

Мелетинский, 1983: *Мелетинский Е. М.* Средневековый роман. М., 1983.

Мещеряков, 1984: Японские легенды о чудесах (IX—XI вв.) / пер., предисл. и коммент. А. Н. Мещерякова. М., 1984.

Мещеряков, 1984а: *Meshcheryakov A. N.* The Meaning of «The Beginning» and «The End» in Shinto and Early Japanese Buddhism // Japanese Journal of Religious Studies. 1984. № 1.

Мещеряков, 1986: *Мещеряков А. Н.* Семантика понятий «начало» и «конец» в синтоизме и раннеяпонском буддизме // Народы Азии и Африки. 1986. № 4.

Мещеряков, 1987: *Мещеряков А. Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм. Проблема синкретизма. М., 1987.

Мещеряков, 1988: *Мещеряков А. Н.* Герои, творцы и хранители японской старины. М., 1988.

Мещеряков, 1988а: *Мещеряков А. Н.* Из истории политической мысли Японии: концепция «национальной исключительности» К. Тикафуса // История политической мысли и современность. М., 1988.

Мещеряков, 1989: *Мещеряков А. Н.* Русская и японская литература: черновики несгоревших рукописей // 100 лет русской культуры в Японии. М., 1989.

Мещеряков, 1989а: *Мещеряков А. Н.* Дзиэн — первый историк Японии // Народы Азии и Африки. 1989. № 5.

Мещеряков, 1993: *Мещеряков А. Н.* Взгляд на пространство и пространство взгляда // Иностранная литература. 1993. № 5.

Мещеряков, 1993а: *Mesheryakov A.* Space and Time Patterns in Russian and Japanese Cultures // State, Religion and Society in Central Asia. A Post-Soviet Critique. Ithaca Press Reading, 1993.

Мещеряков, 1997: *Мещеряков А. Н.* Нара дзидай-но бунка то дзё:хо: (Культура эпохи Нара и информация) // Дайкю:дзю:никай нитибункэн фораму. Киото: Кокусай нихон бунка кэнкю: сэнта, 1997.

Мещеряков, 1998: *Мещеряков А. Н.* Информационно-коммуникативные процессы в эпоху Нара (710—784) // Корея. История, экономика, культура, филология. М.: Муравей, 1998.

Мещеряков, 1999: *Мещеряков А. Н.* Символика числа 8 в японской официальной культуре VII—VIII вв. // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 3.

Мещеряков, 2000: *Мещеряков А. Н.* К вопросу об объеме письменной информации в Японии VIII—X вв. // С. Г. Елисеев и мировое японоведение. М.: Ассоциация японоведов; Институт востоковедения РАН; Японский фонд, 2000.

Мещеряков, 2001: *Мещеряков А. Н.* Культурные функции японских топонимов // Вестник РГГУ. 2001. № 4. Книга вторая. С. 290—310.

Мещеряков, 2001а: Возвышение рода Фудзивара (китайская образованность, политическая система и официальная идеология в Японии VII—VIII вв.) // История и культура Японии. М.: «Крафт+», 2001. С. 26—62.

Мещеряков, 2002: *Мещеряков А. Н.* Рецепция теории «мандата Неба» в древней Японии (VII—VIII вв.) // Япония. Путь кисти и меча. 2002. № 1.

Мещеряков, 2003: *Mesheryakov A.* On the Quantity of Written Data Produced by the Ritsuryo State // Nichibunken Japan Review. 2003. Number 15.

Мещеряков, 2004: *Мещеряков А. Н.* Японский император и русский царь. Элементная база. М.: Наталис; Рипол классик, 2004.

Мещеряков, 2004а: *Мещеряков А. Н.* Основные параметры японской цивилизационной модели // Япония. Путь кисти и меча. 2004. № 3. С. 28—41.

Мещеряков, 2006: *Мещеряков А. Н.* Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис; Рипол классик, 2006.

Мещеряков, Грачев, 2002: *Мещеряков А. Н., Грачев М. В.* История древней Японии. СПб.: Гиперион, 2002.

Миёси 1980: *Миёси Киёюки.* Икэн дзюникадзё // Сер. «Нихон сисо тайкэй» Т. 8. Токио, 1980.

Миллер, 1975: *Miller R. A.* The Footprints of the Buddha. An Eight-century Old Japanese Poetic Sequence. American Oriental Series. Vol. 58. New Haven, 1975.

Миллер, 1981: *Miller Roy Andrew.* The Lost Poetic Sequence of the Priest Manzei // Monumenta Nipponica. 1981. XXXVI, № 2.

Миллс, 1954: *Mills D. E.* The Takahasi Uzibumi // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London. XVI, pt 1. 1954.

Миллс, 1970: *Mills D. E.* A Collection of Tales from Uji. A Study and Translation of Uji Shui Monogatari. Cambridge, 1970.

Миллс, 1975: *Mills D. E.* Soga Monogatari, Shintoshu and the Taketori Legend // Monumenta Nipponica. 1975. № 1.

Минэгиси, 1958: *Минэгиси Ёсиаки.* Утаавасэ-но кэнкю (Исследования поэтических турниров). Токио, 1958.

Моррис, 1986: *Morris M.* Waka and Form, Waka and History // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1986. Vol. 46, № 2.

Мурао, 1962: *Мурао Дзиро.* Нара дзидай-но бунка (Культура эпохи Нара). Токио, 1962.

Мурасаки, 1958: Мурасаки-сикибу никки // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 19. Токио, 1958.

Мурасаки, 1971: Мурасаки-сикибу никки // Сер. «Нихон котэн бунгаку дзэнсю». Т. 18. Токио, 1971.

Мурасаки, 1972: *Мурасаки-сикибу*. Гэндзи моногатари // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 14—18. Токио, 1972.

Мурасаки, 1996: *Мурасаки Сикибу*. Дневник / пер. А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1996.

Наканиси, 1972: *Наканиси Сусуму*. Манъё-но си то сидзин (Стихи и поэты «Манъёсю»). Токио, 1972.

Нихон кагаку, 1958: Нихон кагаку тайкэй. Т. 1. Токио, 1958.

Нихон коки, 1982: Нихон коки // Сер. «Кокуси тайкэй». Токио, 1982.

Нихон монтоку, 1979: Нихон монтоку тэнно дзицуроку // Сер. «Кокуси тайкэй». Токио, 1979.

Нихон рёики, 1967: Нихон рёики // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 70. Токио, 1967.

Нихон рёики, 1973: *Nakamura Kyoko Motomochi*. Miraculous Stories from the Japanese Buddhist Tradition. The Nihon Ryoiki of the Monk Kyokai. Cambridge, 1973.

Нихон рёики, 1995: Нихон рёики. Японские легенды о чудесах / пер. А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1995.

Нихон сандай, 1978: Нихон сандай дзицуроку // Сер. «Кокуси тайкэй». Токио. 1978.

Нихон сёки, 1975: Нихон сёки // Сер. «Нихон котэн дзэнсё». Токио, 1975.

Нихон сёки, 1997: Нихон сёки. Анналы Японии / пер. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997.

Ногути, 1986: Ногути Такэси. Риккокуси сёкэн-но, «киу, кисиу» кидзи (Данные шести национальных хроник по испрошению дождя) // Кокугакуин дзасси. 1986. № 11.

Одзё гокуракки, 1974: Одзё гокуракки // Сер. «Нихон сисо тайкэй». Т. 7. Токио, 1974.

Окагами, 1966: The Okagami. A Japanese Historical Tale Translated by Joseph K. Yamagiwa. Rutland; Vermont; Tokyo, 1966.

Окагами, 1970: Окагами // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 21. Токио, 1970.

Окагами, 1980: Okagami, The Great Mirror: Fujiwara Michinaga (966—1027) and His Times. A Study and Translation by Helen Craig McCullough. University of Tokyo Press and Princeton UP, 1980.

Окагами, 2000: Окагами. Великое зерцало / пер. Е. М. Дьяконовой // Сер. «Литературные памятники древней Японии». Вып. VI. СПб.: Гиперион, 2000.

Олкер, 1987: *Олкер Х. Р.* Волшебные сказки, трагедии и способы изложения мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

Отикубо, 1972: Отикубо-моногатари // Сер. «Нихон котэн бунгаку дзэнсю». Т. 10. Токио, 1972.

Отикубо, 1976: Повесть о прекрасной Отикубо // Две старинные японские повести / пер. В. Марковой. М., 1976.

Пасков, 1987: *Пасков С. С.* Япония в раннее средневековье. VII—XII века. М., 1987.

Поллак, 1983: *Pollack David.* The Informing Image: «China» in Genji Monogatari // Monumenta Nipponica. 1983. XXXVIII, № 4.

Пушкин в воспоминаниях, 1974: Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1974.

Рёунсю, 1968: Рёунсю // Кодзима Нориюки. Кокуфу анкоку дзидай-но бунгаку (Литература в «темный» период национального проявления). Токио, 1968.

Рицурё, 1976: Рицурё // Сер. «Нихон сисо тайкэй». Т. 3. Токио, 1976.

Розанов, 1913: *Розанов В. В.* Опавшие листья. Пб., 1913.

Ромашко, 1985: *Ромашко С. А.* Критика книгопечатания в творчестве иенских романтиков (О противоречиях в развитии языковой коммуникации) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 44. 1985. № 5.

Рубакин, 1929: *Рубакин Н. А.* Психология читателя и книги. Краткое введение в библиопсихологическую психологию. М.; Л., 1929.

Русински, 1979: *Jack Rucinski.* A Japanese Burlesque: Nise Monogatari // Monumenta Nipponica. 1975. XXX, № 1.

Сайго, 1967: *Сайго Нобуцуна.* Кодзики-но сэкай (Мир «Кодзики»). Токио, 1967.

Сакакура, 1953: *Сакакура Ацуёси.* Ута-моногатари бунсё, наму ни цуйтэ (Прозаический текст в ута-моногатари; вокруг связей частицы «наму») // Кокуго то коку бунгаку. 1953. № 6.

Сакамото, 1970: *Сакамото Таро.* Риккокуси (Шесть национальных хроник). Токио, 1970.

Сакураи, 1970: *Tokutaro Sakurai.* Japanese Festivals. Tokyo, 1970.

Сандай, 1978: Сандай дзицуроку. Токио: Ёсикава кобункан, 1978.

Сануки, 1971: Сануки-но сукэ-но никки // Сер. «Нихон котэн бунгаку дзэнсю». Т. 18. Токио, 1970.

Сарасина, 1957: Сарасина-никки // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 20. Токио, 1957.

Сарасина, 1997: Сарасина-никки. Одинокая луна в Сарасина / пер., предисл. и коммент. И. В. Мельниковой // Сер. «Японская классическая библиотека». Вып. IX. СПб.: Гиперион, 1997.

Сахарова, 2006: *Сахарова Е. Б.* «Кадэн». Жизнеописание рода Фудзивара // Orientalia et Classica. Труды Ин-та вост. культур и античности. Вып. VII: Политическая культура древней Японии. М., 2006.

Свиридов, 1981: *Свиридов Г. Г.* Японская средневековая проза сэцува. М., 1981.

Сейденстикер, 1976: *Seidensticker Edward,* tr. The Tale of Genji. N. Y., 1976.

Семенцов, 1988: *Семенцов В. С.* Проблема трансляции традиционной культуры на примере судьбы Бхагавадгиты // Восток — Запад: исслед., пер., публикации. М., 1988.

Сёку нихонги, 1975: Сёку нихонги // Сер. «Кокуси тайкэй». Токио, 1975.

Сёку нихон коки, 1980: Сёку нихон коки // Сер. «Кокуси тайкэй». Токио, 1980.

Симонова-Гудзенко, 1979: *Симонова-Гудзенко Е. К.* Опыт реконструкции древнейших слоев японского мифа на основе сопоставления «Нихон сёки» и «Кодзики» // Вопросы истории литератур Востока (Фольклор—классика—современность). М., 1979.

Симонова-Гудзенко, 2002: *Симонова-Гудзенко Е. К.* Когосюи. (Дополнения к древним сказаниям) // Синто — путь японских богов. СПб.: Гиперион, 2002. Т. 2.

Синкокинсю, 1974: Синкокин вакасю // Сер. «Нихон котэн бунгаку дзэнсю». Т. 26. Токио, 1974.

Синкокинсю, 2000—2001: Синкокинсю. Японская поэтическая антология XIII века: в 2 т. / пер., предисл. и коммент. И. А. Борониной. М.: Coral club international, 2000—2001.

Синохара, 1976: *Синохара Сёдзи.* Мурасаки-сикибу никки-но сэкай. Кидзюцу-но тайсё то сакуся-но сидза (Мир дневника Мурасаки-сикибу. Объект описания и местоположение автора) // Сер. «Кансё нихон котэн бунгаку». Т. 11. Токио, 1976.

Синсэн, 1962: *Саэки Арикиё.* Синсэн сёдзироку-но кэнкю (Изучение «Синсэн сёдзироку»). Токио, 1962.

Синсэн, 2002: Синсэн сёдзироку / пер. М. В. Грачева // Синто — путь японских богов. СПб.: Гиперион, 2002. Т. 2.

Снелл, 1953: *Snell Bruno.* The Discovery of the Mind. The Greek Origin of the European Thought. Cambridge, 1953.

Соколова-Делюсина, 1991—1993: Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи: в 5 кн. / пер. Т. Л. Соколовой-Делюсиной. М.: Наука (ГРВЛ), 1991—1993.

Соколова-Делюсина, 2004: Идзуми Сикибу. Собрание стихотворений. Дневник / пер. с яп. Т. Соколовой-Делюсиной // Сер. «Японская классическая библиотека». Вып. XXII. СПб.: Гиперион, 2004.

Стеблин-Каменский, 1964: *Стеблин-Каменский М. И.* Заметки о становлении литературы (к истории художественного вымысла) // Проблемы сравнительной филологии. М.; Л., 1964.

Стинчекум, 1985: *Amanda Mayer Stinchecum*. Narrative Voice in the Tale of Genji. University of Illinois, 1985.

Структура диалога, 1984: Структура диалога как принцип работы семиотического механизма // Труды по знаковым системам. XVII. Тарту, 1984.

Сугимото, Свэйн, 1978: *Masayoshi Sugimoto* and *Daniel L. Swain*. Science and Culture in Traditional Japan. A. D. 600—1854. Cambridge, 1978.

Сэй-сёнагон, 1963: *Сэй-сёнагон*. Макура-но соси // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 19. Токио, 1963.

Сэй-сёнагон, 1975: *Сэй-сёнагон*. Записки у изголовья / пер., предисл. и коммент. В. Марковой. М., 1975.

Сэкияма, 1978: *Сэкияма Кадзуо*. Сэккё-но рэкиси. Буккё то вагэй (История проповеди. Буддизм и словесное искусство). Токио, 1978.

Сэнсом, 1924: *Sansom G. B.* The Imperial Edicts in the Shoku Nihongi (700—790 A. D.) // Transactions of the Asiatic Society of Japan. 2nd series. 1924. № 1.

Тайхорё, 1985: Свод законов «Тайхорё» / вступ. ст., пер. и коммент. К. А. Попова. М., 1985.

Такаги, 1979: *Такаги Ютаку*. Хэйан дзидай хоккэ буккёси кэнкю (Изучение истории буддизма «Лотосовой сутры» в период Хэйан). Киото, 1979.

Такэтори, 1957: Такэтори-моногатари // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 9. Токио, 1957.

Такэтори, 1976: Повесть о старике Такэтори // Две старинные японские повести / пер. В. Марковой. М., 1976.

Танабэ, 1984: *Willa Jane Tanabe*. The Lotus Lectures: Hokke Hakko in the Heian Period // Monumenta Nipponica. 1984. XXXIX, № 4.

Терентьев-Катанский, 1982: *Терентьев-Катанский А. П.* Из истории книги и книгопечатания в странах Дальнего Востока и Центральной Азии // Страны и народы Востока. Вып. XXIII. М., 1982.

Толстой, 1953: *Толстой Л. Н.* ПСС. Т. 62. М., 1953.

Топоров, 1973: *Топоров В. Н.* О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. VI. Тарту, 1973.

Топоров, 1983: *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.

Топоров, 1988: *Топоров В. Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.

Торикаэбая, 2003: Торикаэбая моногатари, или Путаница / пер. с яп., вступ. ст. М. Торопыгиной // Сер. «Японская классическая библиотека». Вып. XXI. СПб.: Гиперион, 2003.

Торопыгина, 2006: *Торопыгина М. В*. Ёсино в поэтической антологии «Кайфусо» // Политическая культура древней Японии. Orientalia et Classica. Труды Ин-та вост. культур и античности. Вып. VII. М.: РГГУ, 2006.

Тоса, 1957: Тоса никки // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 20. Токио, 1957.

Трубникова, 2000: *Трубникова Н. Н*. «Различение учений» в японском буддизме IX в. Кукай о различиях между тайным и явным учениями. М.: Росспэн, 2000.

Уиксд, 1983: *Wixted, John Timothy*. The Kokinshu Prefaces: Another Perspective // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1983. Vol. 43, № 1.

Уиллинг, 1983: The Changelings. A Classical Japanese Court Tale / Translated, with an Introduction and Notes, by Rossette F. Willig. Stanford UP, 1983.

Умэдзава, 1948: *Умэдзава Исэдзо*. Сёки кара кодзики э (От «Нихон сёки» к «Кодзики»). Бунгаку, 1948. № 9.

Уолкер, 1977: *Janet A. Walker*. Poetical Ideal and Fictional Reality in the Izumi Shikibu Nikki // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1977. № 1.

Утаавасэсю, 1969: Утаавасэсю (Сборник поэтических турниров) // Сер. «Нихон котэн бунгаку дзэнсю». Т. 74. Токио, 1969.

Уцубо, 1959: Уцубо-моногатари // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 10—12. Токио, 1959.

Уцубо, 1984: The Tale of the Cavern (Utsuho Monogatari) / Translated with an Introduction by Ziro Uraki. Tokyo, 1984.

Уцубо, 2004: Повесть о дупле (Уцухо-моногатари) / введ., пер. и примеч. В. И. Сисаури: в 2 т. СПб.: Петербургское Востоковедение; М.: Наталис; Рипол Классик, 2004.

Уэйли, 1935: The Tale of Genji by Lady Murasaki / Translated by Arthur Waley. L., 1935.

Фоменко, 1986: *Фоменко И. В.* О принципах композиции лирических циклов // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 15. 1986.

Фудзивара кадэн, 2006: «Кадэн». Жизнеописание рода Фудзивара / пер. Е. Б. Сахаровой // Orientalia et Classica. Труды ИВКА РГГУ. Вып. VII. Политическая культура древней Японии. М., 2006.

Фудоки, 1958: Фудоки // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 2. Токио, 1958.

Фукуда, 1984: Japanese History: a Guide to Survey Histories. Pt I. By Periods / Ed. by Naomi Fukuda. University of Michigan, Ann Arbor, 1984.

Хагитани, 1957: *Хагитани Боку.* Хэйантё утаавасэ (Поэтические турниры периода Хэйан). Т. I. Токио, 1957.

Хакада, 1972: *Yoshito S. Hakada.* Kukai. Major Works. N. Y.; L., 1972.

Харриес, 1980: *Philip T. Harries.* Personal Poetry Collections. Their Origin and Development Through the Heian Period // Monumenta Nipponica. 1980. XXXV, № 3.

Хаттори, 1975: *Хаттори Тосиро.* Отё кидзоку-но бёдзё синдан (Болезни императорской аристократии). Токио, 1975.

Хаякава, 1974: *Хаякава Сёхати.* Рицурё кокка (Государство «рицурё»). Токио, 1974.

Хаясия, 1956: *Хаясия Синдзабуро.* Кодзики то соно дзидай («Кодзики» и время) // Кодзики тайсэй. Т. 4. Токио, 1956.

Хейдметс, 1979: *Хейдметс М.* Обзор исследований о пространственном факторе в межличностных отношениях // Человек, среда, пространство. Исследования по психологическим проблемам пространственно-предметной среды. Тарту, 1979.

Хёйзинга, 1988: *Хёйзинга И.* Осень средневековья. М., 1988.

Хёрст, 1976: *Hurst G. Cameron, HI.* Insei: Abdicated Sovereigns in the Politics of Late Heian Japan, 1086—1185. N. Y., 1976.

Хёрст, 1979: *Cameron Hurst III.* Michinaga's Maladies // Monumenta Nipponica. 1979. XXXIV, № 1.

Хикман, 1975: *Brian Hickman.* A Note of the Hyakumanto Dharanl // Monumenta Nipponica. 1975. № 1.

Хокэ гэнки, 1974: Хокэ гэнки // Сер. «Нихон сисо тайкэй». Т. 7. Токио, 1974.

Хроника «Сёку нихонги», 2006: Хроника «Сёку нихонги». Свиток 1 / пер. А. Н. Мещерякова // Восток (Oriens). 2006. № 1.

Хэйан, Камакура сикасю, 1964: Хэйан, Камакура сикасю (Личные поэтические собрания в периоды Хэйан и Камакура) // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 80. Токио, 1964.

Цуцуми, 1963: The Tsutsumi Chunagon Monogatari / Translated by Umeyo Hirano; Foreword by R. H. Blyth. Tokyo, 1963.

Шеллен, 1934; 1937: *Shellen J. B.* Shoku Nihongi: Chronicles of Japan, Continued from A. D. 697—791 // Transactions of the Asiatic Society of Japan. 2nd series. XI (1934), XIV (1937).

Чудакова, 1986: *Чудакова М. О.* Рукопись и книга. М., 1986.

Эйга, 1965: Эйга моногатари // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 75—76. Токио, 1965.

Эйга, 1976: Эйга моногатари // Сер. «Кансё нихон котэн бунгаку». Т. II. Токио, 1976.

Эйхенбаум, 1924: *Эйхенбаум Б.* Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924.

Энгисики, 1970: Энгисики // Сер. «Кокуси тайкэй». Токио, 1970.

Ямато, 1957: Ямато-моногатари // Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй». Т. 9. Токио, 1957.

Ямато, 1982: Ямато-моногатари / пер., вступ. ст. и коммент. Л. М. Ермаковой. (Сер. «Памятники письменности Востока». Вып. 70). М.: Наука (ГРВЛ), 1982.

Часть вторая

Переводы

Послесловие

Автор «Записок на досуге» известен нам под двумя именами: в миру его звали Ёсида Канэёси, после пострига — монахом Кэнко, Кэнко-хоси. Этот замечательный человек прожил достаточно долгую по меркам своего времени жизнь — с 1283 по 1350 г. Он родился в столичном Киото в семье потомственных синтоистских жрецов Урабэ. Поскольку Канэёси родился в синтоистском святилище Ёсида в семье его настоятеля, его стали называть Ёсида Канэёси. Он служил при дворе, был признанным стихотворцем. После смерти отрекшегося государя Гоуда, которому он в то время служил, стал в 1324 г. буддийским монахом, между 1330 и 1332 гг. сочинил свои «Записки». Приняв постриг, он не уединился в горном храме, а продолжал жить в Киото и его окрестностях, общался с аристократами, сочинительства стихов не оставлял, путешествовал. Вот, пожалуй, и почти все, что мы о нем доподлинно знаем.

Становясь буддийскими монахами, японцы меняли свое имя. Канэёси поступил не как все: он не стал придумывать себе новых иероглифов, а оставил старые. Только прочел их не на японский, а на китайский лад. Благо эти иероглифы имели вполне благоприятный смысл. Их можно перевести как «удвоение хорошего». Правда, можно их истолковать и как «двоякость хорошего». В отношении Канэёси такая вольная трактовка не кажется чересчур предосудительной, ибо очарование его личности заключено именно в этой «двоякости». Хотя о жизни Канэёси мы знаем до обидного мало, его главное произведение — «Записки на досуге» — позволяет говорить о замечательном даре: под кистью этого мастера любая догма приобретает относительность, а сама жизнь — выпуклость и многомерность. Любая генерализация кажется Канэёси сомнительной, в его мире не существует ничего устоявшегося. Этот мир состоит из обманок, он зыбок, точно так же текучи и суждения автора. Вот он страстно осуждает винопитие, но в следующем пассаже принимается восхвалять его. Вот он осуждает игроков в шахматы и шашки за то, что они отвлекаются от мыслей о спасении, но тут же учит стратегии игры. Он пишет о том, что следует отринуть все мирские привязанности, но настойчиво рекомендует овладевать врачебным делом, ибо без него невозможно исполнить свой долг перед родителями. Такие «противоречия» имеются в сочинении Канэёси во множестве.

Можно посчитать Канэёси человеком непоследовательным, а можно — просто «нормальным», в котором всегда есть место самым разным суждениям и эмоциям, которые меняются в связи с изменившимися обстоятельствами. Канэёси был человеком не только образованным, но и умным, а умного человека всегда интересно послушать. О чем бы он ни говорил: о природе, любви, лошадях, людях, еде, придворных церемониях и обрядах… Он знает придворную жизнь, монашеский быт, слышит голоса улицы. По скорости перемещения мысли «Записки» подобны стихам.

И все же нельзя сказать, что личность Канэёси лишена основы. Он был человеком средневековья, и средневековая прочность осела и в нем. Несмотря на любовь к парадоксальному перевертыванию смыслов, от некоторых фундаментальных идей он не отступает ни на шаг. Будучи монахом, он далек от доктринальных споров, но твердо верит в спасение и в благость учения Будды. Будучи японским поэтом, он знает об изменчивости мира и о том, что красота выявляется именно в этой текучести. Будучи конфуцианцем, он верит в действенность древних придворных правил и настаивает на том, что прежний строй жизни превосходит нынешний. Потому что в том давнем мире существовало множество правил поведения, которые требовали и требуют неукоснительного соблюдения. А правила — это эквивалент культуры. Эти правила нуждаются не столько в рациональном объяснении, сколько в безоговорочном исполнении. И чем больше правил знает человек, тем он «культурнее». Поэтому-то его так восхищает женщина, которая помнит, какой формы должны быть окна во дворце, и огорчает, что уже никто не знает, каким надлежит быть станку для порки. Убежденный в изменчивости мира, Канэёси пытался остановить бег времени, сгустить его текучесть, удержать на бумаге его мимолетный след.

Выходит, что в личности Канэёси было достаточно того, чтобы назвать ее вполне основательной. А потому Канэёси вовсе не пересмешник. Его ироничность не отрицает основ, но служит их утверждению. Он писал свои «Записки» на досуге, но они не являются порождением досужего человека. Не предназначены они и для читательского досужего времяпрепровождения. В конечном итоге они написаны для созидания. Созидания человека, который нравился Канэёси: по-конфуциански сдержанного и скромного, по-буддийски стремящегося к перерождению в раю, по-даосски парадоксального и иронического, поэтически ценящего мимолетную красоту, по-человечески беседующего с другом за чаркой вина. Не слишком ли многого он хотел? Он, который осуждал всякое желание, призывал избавиться от всех земных привязанностей и утверждал, что не следует обзаводиться семьей и детьми? Он, который в другом пассаже говорил о том, что только тот, у кого есть дети, способен ценить красоту этого мира? В мимолетных желаниях, в известной вздорности заключено свое очарование. Очарование текста, очарование личности.

Совершал ли Канэёси вздорные поступки? Мы не знаем. Но невозможно отрицать, что слово было его поступком. И в этом слове он признавал за другими право на чудаковатость. Как, например, в истории про преподобного Дзёсина, которому, с одной стороны, не было равных «в каллиграфии, учении и красноречии», а с другой, он не соблюдал правил монастырского общежития и все свое состояние растратил на сладкий картофель, до которого был большой охотник.

Канэёси пишет обо всем на свете, но о себе он предпочитает помалкивать. Все видеть и оставаться невидимым — вот тот идеал мудреца, который превозносили в Китае. Этому идеалу следовал и Канэёси. Не раз и не два говорит он о том, что истинный мудрец не любит диковинного, не гонится за чудесным. Канэёси дан нам почти исключительно только в тексте, только в словах. Но выбор этих слов, их порядок так много говорит об авторе, что отсутствие местоимения «я» не может служить помехой для того, чтобы восхититься им.

Нетривиальность личности Канэёси явлена нам в предании об истории создания «Записок». Когда после кончины монаха обследовали его хижину, обнаружили, что стены ее завешаны листочками, на которых он записывал то,

что приходило ему в голову. Листочки сняли, соединили в произвольном порядке — получилась книга. Трудно сказать, было ли так на самом деле, но вряд ли случайно, что такую легенду сложили именно о Ёсида Канэёси, а не о ком-нибудь другом. Ведь жанр «Записок» — *дзуйхицу* (‘вслед за кистью’) — пользовался в Японии огромной популярностью, и Канэёси вовсе не был его родоначальником. Тем не менее, наряду с придворной дамой Сэй Сёнагон, которая на рубеже первого и второго тысячелетий написала свои «Записки у изголовья», Канэёси стал со временем признанным классиком этого жанра. Он предполагает, что «кисть» ведет автора за собой, он не знает «мук творчества» и бесконечных черновиков, записывает сразу и набело первое, что придет ему в голову. Принцип «автоматического письма» был открыт на Западе лишь в XX в., для Китая и Японии он был освящен многовековой традицией.

Произведения, которые относятся к дзуйхицу, лишены сюжета, а потому автор лишен возможности «спрятаться» за хитросплетениями судьбы героев. Этот жанр не подвергся строгой канонизации, а потому автор не может спрятаться и за канон, как то было, скажем, в поэзии, где всякий человек, которому известны правила стихосложения, в состоянии написать мало-мальски приличное стихотворение. Единственной скрепой, на которой «держится» произведение разряда дзуйхицу, является личность писателя. В противном случае это произведение неминуемо «развалится».

Многие люди, о которых пишет Канэёси, были в той или иной степени вовлечены в бурные политические события того времени. Буддийскому монаху запрещено убийство даже комара, но в те годы монах с мечом никого не удивлял. Как раз в то время, когда Канэёси писал свои «Записки», император Годайго восстал против фактических властителей тогдашней Японии — дома Ходзё. Императора сослали, но в 1333 г. его сторонники все-таки свергли Ходзё, положив конец полуторавековой гегемонии этого дома. Однако всего через три года Годайго снова отправился в изгнание, в стране стали хозяйничать сёгуны Асикага. Не вызывает сомнения, что Канэёси был прекрасно осведомлен обо всех перипетиях политической борьбы, но он с великолепным презрением игнорирует ее. Его волновали совсем другие события, другой опыт — опыт проживания жизни, опыт размышлений о жизни, о смерти, о красоте. С течением времени значимость этого опыта Канэёси становилась для японцев все большей и большей. Ведь Канэёси удалось облечь в слова их идею красоты — мимолетной, угловатой и незавершенной. А потому для Канэёси луна на ущербе лучше луны полной, полка с разноформатными книгами привлекательнее, чем однокорешковое собрание сочинений, небрежность интерьерного убранства милее взору, чем скучная и безжизненная упорядоченность, а сама незавершенность есть для него признак жизни. «Один человек рассказывал мне, что и при строительстве государева дворца обязательно оставляют недоделки. В сочинениях прежних мудрецов пропусков тоже немало». Канэёси учит нас и тому, что в почке явлен будущий лист, в отцветшем бутоне — прошлый расцвет. Словом, его сочинение послужило одной из основ того, что принято теперь называть «японской эстетикой».

Жизнь текста — настоящее приключение. Стихи Канэёси были востребованы современниками, но ныне они прочно забыты. Его проза была никому не известна при его жизни, но с течением времени она обретала все большую популярность. В нынешнее время «Записки на досуге» пользуются заслуженным признанием, они разобраны на цитаты, японские школьники старательно изучают их, ученые пишут все новые и новые комментарии. «Записки на досуге»

были переведены и на все европейские языки. Их русское издание под названием «Записки от скуки» в переводе В. Н. Горегляда появилось еще в 1970 г. Этот перевод снискал себе множество поклонников, неоднократно переиздавался. В. Н. Горегляд ставил перед собой прежде всего научные цели, его книга снабжена обширным профессиональным комментарием, которым я активно пользовался и который позволил мне избежать дополнительных разысканий и ошибок. Однако сам я пытался по возможности избежать комментаторских примечаний и «втиснуть» их в основной текст, ибо видел свою задачу в другом: выявить и подчеркнуть художественную составляющую «Записок», своеобразие личности автора, передать не только смысл, но и ритм его мыслей и слов. Ведь Канэёси — настоящий писатель, его волнуют слова — их этимология, их сочетаемость, их смысл. Поэтому рассуждения о судьбе слов столь часты в его замечательном произведении. Насколько мне удалось справиться со своей задачей — судить не мне.

Я давно хотел сделать эту работу. «Записки на досуге» многое значат в моей жизни, их автор заставил меня над многим задуматься, многое понять.

Как дела, дружище? Так же все печально?
Вижу: кисть твоя летает над бумагой рыхлой.
Будто бы слезинка пробежала,
На скуле соляной развод оставив.

О тебе немало знаю. Ты же
В чашке сберегаешь лишь чаинки,
В чарке же — губами ловишь
Лунный свет, настоянный на туши.

А. Н. Мещеряков

Александр Николаевич Мещеряков

СТРАНА ЯПОНИЯ:

ЛЮДИ И ТЕКСТЫ

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site*: http://www.pvost.org

Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технические редакторы — *Г. В. Тихомирова, Е. М. Денисова*
Корректор — *Т. Г. Синицкая*

Подписано в печать 15.11.2018. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 40 уч.-изд. л.
Тираж 1500 экз. Заказ № 219

PRINTED IN RUSSIA

ООО «Литография Принт»
г. Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, офис 14
www.spbprinting.ru
тел. +7 (812) 712-02-08